

К ИСТОРИИ ССЫЛКИ САЛТЫКОВА

Сообщение М. Панченко

Дневник Нестора Кукольника принадлежал в свое время близкому родственнику его, редактору-издателю «Западно-славянского Вестника» (1890) и «Славянской Корреспонденции» (1889) И. А. Пузыревскому, который отдельные отрывки из дневника публиковал (см. «Русскую Старину» 1870 г., т. II, стр. 635; «Баян» 1889 г., № 9—15). В мае 1889 г., т. е. вскоре после смерти М. Е. Салтыкова, Пузыревский написал статью «За что и как был выслан в Вятку М. Е. Салтыков» как ответ на воспоминания Скабичевского о Салтыкове, напечатанные в «Новостях» № 116 от 29 апреля 1889 г. Для подтверждения некоторых своих возражений Скабичевскому Пузыревский приложил к своей статье отрывок из дневника Кукольника, относящийся ко времени ссылки М. Е. в Вятку, т. е. к концу апреля 1848 г. Однако статья Пузыревского напечатана не была, 20 июня 1889 г. из редакции «Исторического Вестника» отвечали Пузыревскому:

«Многоуважаемый Илья Алексеевич.

Я непрочь от заметки под заглавием «За что и как был сослан Салтыков в Вятку», но заметка эта должна быть написана как отрывок из ваших личных воспоминаний, а отнюдь не как возражение «Новостям». Во вступлении к заметке вы можете сказать глухо, что в некоторых воспоминаниях или сведениях о Салтыкове, появившихся в последнее время, сообщается неверный рассказ о его ссылке, потому вы как очевидец [Пузыревский был сослуживцем Салтыкова по канцелярии военного министра.—М. П.] считаете нужным восстановить истину... Письмо хранится в архиве ИРЛИ Академии Наук СССР, писано оно повидимому С. Н. Шубинским, подпись неразборчива.

Вероятно Пузыревский не счел нужным переделывать свою статью для «Исторического Вестника»; в другом месте эта статья также не была напечатана. Так свидетельства Кукольника о ссылке Салтыкова оставались до сих пор неизвестными.

Мы даем статью И. Пузыревского «За что и как был выслан в Вятку М. Е. Салтыков» и соответствующие отрывки из дневника Кукольника, но не по копии, приложенной к статье Пузыревского, а по оригиналу, хранящемуся в архиве ИРЛИ АН (зап. книжка-дневник Н. В. Кукольника, март—апрель 1848 г.).

Нестор Кукольник с 1843 г. состоял при военном министре чиновником особых поручений и в 1848 г., как он сам говорит, был назначен делопроизводителем в следственную комиссию военного министра по делу Салтыкова. Поэтому фактические записи такого близкого «к механике ссылки» человека, как Кукольник, представляют значительный интерес и содержанием своим проливают свет на одну из наименее разработанных сторон биографии великого сатирика. Теперь имеется возможность установить некоторые новые подробности выслаки Салтыкова в Вятку, а также проверить высказанные ранее исследователями предположения по этому поводу.

О «Запутанном деле» как безусловно «сомнительном» произведении и следовательно могущем служить доказательством «упущений цензуры» (таких доказательств требовал Николай от меншиковского комитета 27 февраля 1848 г.) доложено было царю в журнале меншиковского комитета от 29 марта 1848 г. (см. «Голос Минувшего» 1913 г., № 4), т. е. немедленно после выхода мартовской книжки «Отечественных Записок» с этой повестью Салтыкова. 2 апреля царь ознакомился с журналом меншиков-

ского комитета, а около 20 апреля, как это следует из публикуемых записей, он говорил военному министру Чернышеву о том, что подчиненный последнего Салтыков (Михаил Евграфович с 1844 по 1848 г. служил в канцелярии военного министра) напечатал сочинение «без ведома начальства, в котором оказалось вредное направление и стремление к распространению революционных идей, потрясших уже всю Западную Европу». Министр, по словам Кукольника, был «взбешен», потребовал к себе издавна пользовавшегося правительственным и царским вниманием писателя Кукольника и тут же назначил следственную комиссию по делу Салтыкова. Из членов этой комиссии назван в записях лишь Набоков. Из контекста дневника явствует, что и Н. Н. Анненков, директор канцелярии министра, также был членом комиссии. Указание на образование следственной комиссии по делу Салтыкова при военном министре чрезвычайно существенно, так как до сих пор это обстоятельство не было известно.

24 апреля Кукольник доложил комиссии свое повидимому не слишком отрицательное мнение о «Противоречиях» и «Запутанном деле». Второй раз уже столь короткая литературная деятельность Салтыкова становится в центре внимания официальных учреждений!

Кстати отметим, что роль Кукольника в высылке Салтыкова теперь получает несколько иное освещение, чем то, которое дал Скабичевский в своей статье в «Новостях».

По докладу Кукольника о двух повестях Салтыкова следственная комиссия вынесла следующее решение: уволить из канцелярии и содержать под арестом на гауптвахте в течение семи дней собственно за напечатание без ведома начальства. Ни о каких революционных идеях, к распространению которых стремился Салтыков, не сказано. В том, что решение следственной комиссии именно таково, мы теперь вряд ли имеем основание сомневаться. По Скабичевскому же главным обвинителем Салтыкова был Кукольник. К этому склоняются и другие исследователи (см. например В. Семевский. «М. Е. Салтыков-петрашевцев». — «Русские записки», кн. I, 1917 г., стр. 46). Сейчас можно со значительными основаниями предположить, что выдвинул обвинение Салтыкову сам царь (меншиковский комитет только приводил по его мнению наиболее предосудительные места из «Запутанного дела», не квалифицируя их), а Чернышев облек это в соответствующую форму. Роль Кукольника в высылке Салтыкова в Вятку, как видно, невелика. Это подтверждается последующими фактами. Решение комиссии — уволить из канцелярии и содержать под арестом на гауптвахте в течение семи дней за напечатание сочинения без ведома начальства — было представлено 25 апреля министру. Но Чернышев, помня слова Николая о распространении Салтыковым революционных идей, «потрясших всю Западную Европу», не согласился с этим решением и представил на утверждение царю новый приговор Салтыкову: уволить из канцелярии и выслать в Вятку на службу за напечатание без ведома начальства сочинения, в котором заметно стремление к распространению революционных идей... и т. д. Предложение Чернышева Николай утвердил 26 апреля вероятно без изменений. 26-го же Салтыков был отправлен на гауптвахту. Однако есть основания предполагать, что еще до 26-го М. Е. содержался где-либо под арестом в течение нескольких дней. Кукольник записывает, что приказ об аресте Салтыкова получен еще 21-го, а Пузыревский, в упоминавшейся неизданной статье, утверждает, что 22 апреля Салтыков уже был арестован.

Приговор был объявлен осужденному 26-го или рано утром 27 апреля, ибо уже 27-го в канцелярии военного министра было получено письмо Анненкову от Салтыкова с просьбой отлучиться с гауптвахты для свидания с родственниками и для сбора в дальнюю дорогу. Вероятно Анненков, а за ним и Чернышев дали свое согласие на удовлетворение этой просьбы. Было послано от Чернышева отношение по этому поводу графу Орлову, в ведение которого попал Салтыков по утверждению приговора царем. Но отношение это запоздало: Салтыков уже находился на пути в Вятку.

28 апреля Орлов обратился к коменданту Зальцу, чтобы тот сдал Салтыкова жандармскому капитану Рашкевичу, предписал Рашкевичу «немедленно явиться к Санктпе-

**МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННЫХ.**

КАНЦЕЛЯРІЯ

МИНИСТЕРСТВА.

Регистратура.

Въ С. Петербургѣ
26 апреля 1848
№ 4744.

С. Петербургскому Комендан-
ту Г. Генерал-майору и Кавал.,
Барону Салтызу.

По порученію С. Высочайшего
министра честь имеетъ препроводить
при семъ къ Вашему Высочайшему
Милостивому Высочайшему въ Канцеля-
рію Военнаго Министерства Мъ-
триарнаго Советника Милостиваго
Салтыкова для доставленія на
недѣлю на Гауптвах-
ту за нарушение закона,
— воспрещавшаго въ видахъ
своего Начальства предавать
печатанію собственныя со-
чиненія.

Подписано: / директор, Генерал-фельд-
маршалъ Виленскій Г. Сиритинъ. Начальникъ
Регистратуры А. Яковлевъ

Вручено: Милостивому. Салтызу.

КОПИЯ ОТНОШЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА ОТ 26 АПРЕЛЯ 1848 г.
ПЕТЕРБУРГСКОМУ КОМЕНДАНТУ О СОДЕРЖАНИИ М. Е. САЛТЫКОВА ПО РАСПОРЯ-
ЖЕНИЮ ВОЕННОГО МИНИСТРА НА ГАУПТВАХТЕ. ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО В ПЕЧАТИ
БЕЗ ВЕДОМА НАЧАЛЬСТВА

Ленинградское отделение Центрархива

тербургскому коменданту... и, приняв с разрешения его содержащегося на гауптвахте титулярного советника Салтыкова, тотчас отправиться с ним последним в Вятку» (см. М. Лемке. «К биографии М. Е. Салтыкова». — «Русская Мысль» 1906 г., кн. 1). Рашкевичу был дан пакет для вятского губернатора Середы с отношением № 777, в котором сообщалось, что Салтыков по высочайшему повелению переводится на службу в Вятку и что губернатор обязывается «о направлении образа мыслей и поведения его»... доносить (Архив ИРЛИ АН СССР). В тот же день отношением № 776 уведомил Чернышева о предпринятом по высылке его бывшего подчиненного.

28 апреля в 9 часов вечера Салтыков в сопровождении Рашкевича выехал из Петербурга (см. Лемке. — «К биографии»...), а 7 мая прибыл в Вятку (см. отношение вятского губернатора в инсп. департ. гражд. ведомства от 28 июня. 1848 г.; хран. в архиве ИРЛИ АН).

3 июня Салтыков был определен канцелярским чиновником в канцелярию вятского губернского правления («Проект журнала I отделения I стола от 3-го июня 1848 г.» — хран. в архиве ИРЛИ АН СССР).

Так, с опубликованием статьи Пузыревского и записей Кукольника может быть восстановлена фактическая сторона высылки М. Е. Салтыкова в Вятку.

Приводим текст документов:

ЗА ЧТО И КАК БЫЛ ВЫСЛАН В ВЯТКУ М. Е. САЛТЫКОВ

(В ответ на статью г. Скабичевского в «Новостях»)

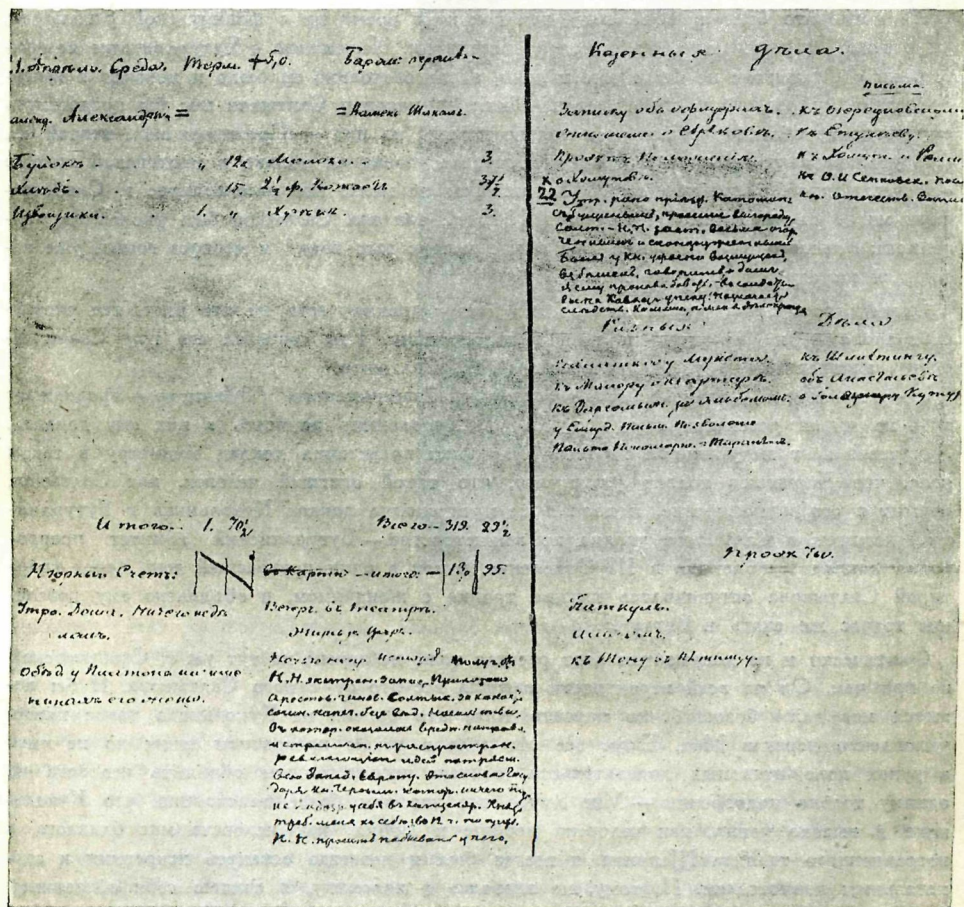
Читая с напряженным вниманием все, что пишется теперь о знаменитом нашем сатирике-юмористе М. Е. Салтыкове, недавнюю утрату которого все мы оплакиваем, — я прочел также в № 116 «Новостей» некролог его и несколько воспоминаний о нем г. Скабичевского.

Несмотря на то, что живой и теплый этот рассказ очевидно основан на сведениях, полученных почтенным автором из ближайшего к покойному источника, быть может даже лично от него самого, мне как бывшему сослуживцу Салтыкова по канцелярии военного министерства в 1848 г., жившему кроме того в доме Н. В. Кукольника, не могло не броситься в глаза то место рассказа, где говорится о причинах ссылки С[алтыкова] в Вятку и о характере участия Кукольника в этом прискорбном деле, — настолько все это не сходится с действительными фактами, известными мне как лично и довольно близкому свидетелю всего происходившего. Для большей ясности приведу подлинный рассказ г. Скабичевского об обстоятельствах, предшествовавших делу Салтыкова, и с чего оно началось.

«Впродолжение 1848 г., — говорит автор, — под впечатлением французской революции, обратившейся в общеевропейскую, обнаружился решительный поворот в наших внутренних делах в сторону крайней реакции. Возникло дело Петрашевского, был учрежден Бутурлинский комитет как высшее цензурное ведомство, наблюдавшее не только над общественною прессою, но и над казенною и имевшее право делать замечания и выговоры от высочайшего имени даже министрам. И надо было случиться, чтобы одним из первых распоряжений Бутурлинского комитета было строгое замечание, данное военному министру, гр. [кн.] Чернышеву, за цензурные неисправности в «Русском Инвалиде», находившемся под редакцией бар. Корфа. Это вооружило гр. [кн.] Чернышева против литераторов¹, и, как нарочно, в то время, как Чернышев находился еще под впечатлением полученного им замечания, явился к нему Салтыков как подчиненный проситься в отпуск. Дело было под Рождество, и Салтыков намеревался провести праздники на свободе, вероятно у родных. Упустивши совершенно из виду, что чиновник его занимается литературою, Чернышев тут только вспомнил об этом. «Вы, кажется, в журналах пишете?» спросил он Салтыкова. На утвердительный ответ последнего Чернышев потребовал, чтобы он представил ему свои сочинения. «Тогда мы и посмот-

рим, можно ли вас отпускать», прибавил он к этому. Салтыков представил министру свои два рассказа, напечатанные в «Отечественных Записках».

Всем конечно известно, что по общему для всех ведомств (чуть ли не на всем земном шаре) закону никто из служащих, в какой бы должности и чине он ни состоял, не имеет права обращаться лично и непосредственно, по каким бы то ни было делам, к высшему начальству, помимо своего ближайшего начальника. Если такому порядку безусловно подчинялись у нас такие лица, как состоявшие в то время при канцелярии в Воен. Мин. флигель-адъютанты, светлейшие князья Паскевич и Воронцов и гр. Ад-

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА Н. КУКОЛЬНИКА С ЗАПИСЬЮ ОТ 22 АПРЕЛЯ 1848 г.
О ДЕЛЕ М. Е. САЛТЫКОВА

Институт Русской Литературы, Ленинград

лерберг и даже чиновники особых поручений при военном министре, как например Бутков, Суковкин, Кукольник и др., должны были сноситься с ним не иначе, как чрез посредство директора канцелярии, то само собою разумеется, что такой мелкий чиновник, как помощник секретаря (т. е. столоначальника)², никоим образом не мог явиться лично к Министру с просьбою об отпуске... Такой строгий, скажу — ревнивый блюститель служебного порядка и дисциплины, как кн. Чернышев, который за незастегнутую пуговицу или за цветной галстук сажал под арест случайно попадавших к нему в канцелярию чиновников, не стал бы и разговаривать с Салтыковым, оборвавшим его на первом же слове и отправившим бы под арест за нарушение порядка служ-

бы. Поступив в Канц. Воен. Мин. в половине 1846 г. и прослужив в ней 18 лет, я достаточно хорошо помню и знаю существовавшие в ней порядки и ни на минуту не сомневаюсь, что дело кончилось бы именно таким образом.

Отсюда, мне кажется, достаточно видно, что Салтыков лично являться к кн. Чернышеву и просить его об отпуске не мог; следовательно и никакого, подобно приведенному, разговора между ними быть не могло. Но г. Скабичевский рассказывает еще, что Салтыков, по требованию министра, представил ему свои два рассказа, и что все это происходило под Рождество, не указывая однако, в каком именно году.

Не могло это быть в 1847 году, так как в то время ни о французской революции, ни о деле Петрашевского, ни о неприятностях кн. Чернышева с Бутурлинским комитетом, ни о Салтыкове не было еще и речи, а следовательно не было и поводов к вышеприведенному разговору его с Военн. Мин.; да наконец Салтыков мог бы представить ему тогда не оба свои рассказа, а только первый из них — «Противоречия», второй же, «Запутанное дело», за который он и пострадал, появился только в мартовской книжке «Отечеств[енных] Записок» за 1848 год. Тем не менее все рассказанное г. Скабичевским могло случиться под Рождество 1848 г., так как Салтыков был уволен из канцелярии Военного Министерства еще в мае месяце того года³ и месяцев восемь уже находился на службе в Вятке⁴.

Словом, весь предыдущий рассказ, по моему мнению, есть не что иное, как чистейший апокриф, не имеющий и тени правдоподобия. Кто сообщил его г-ну Скабичевскому, неизвестно, но уж наверное не М. Е. Салтыков.

Но вернемся к дальнейшему рассказу г. Скабичевского. «Министр,— продолжает он,— не читая рассказов сам, поручил Н. Кукольникову написать о них ему доклад... Заклятый враг натуральной школы, Кукольник представил доклад министру в таком роде, что Чернышев только ужаснулся, что такой опасный человек, как Салтыков, служит в его министерстве, и тотчас же препроводил доклад Кукольника в Бутурлинский комитет, а Салтыкова уволил из министерства.— Бутурлинский комитет препроводил доклад Кукольника в III Отделение, и вот в один прекрасный день перед квартирой Салтыкова остановилась ямская тройка с жандармом, и объявлено ему повеление тотчас же ехать в Вятку».

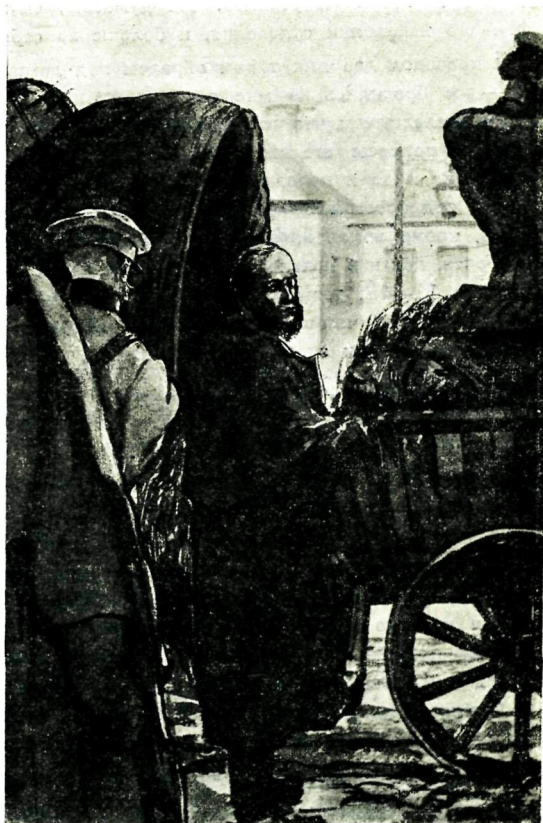
Фактически и по документам этот рассказ тоже не верен; но тут уж г. Скабичевский не при чем. Он по всей вероятности слышал все это от самого Салтыкова. Я бы кажется мог даже безошибочно назвать того, кто бросил на Кукольника такое пятно, умышленно передав Мих. Евгр. все это дело в таком превратном виде; но не имея в руках положительных доказательств, считаю недостаточным обвинить человека по одному только подозрению.— Мне лично все это тем более прискорбно, что Кукольника я высоко ценил, как человека вообще и любил, как человека мне близкого, а несравненного таланта Щедрина я всегда был и навсегда останусь искренним и сознательным почитателем. Поэтому, не вдаваясь в полемику, я считаю себя обязанным, в отношении памяти того и другого,—передать читателям, по совести, все, что по этому делу я слышал, видел и имел возможность проверить по документам.

Часу в третьем ночи на 22 апреля, возвращаясь домой с именин, я съехался у подъезда с фельдъегерем, который привез Кукольникову пакет от Директора Канц. Воен. Мин. с надписью «о весьма нужном». Приняв этот пакет и не обратив внимания на надпись, так как с подобными надписями получались пакеты почти ежедневно, я положил пакет на письменный стол Кукольника, который еще не возвращался домой.— На другой день (22-го) рано, часу в 9-м приехали к Н. В. Начальник II отд. Канц. Воен. Мин. А. А. Котомин и чиновник III отд. канц. Гущин, прошли с озабоченным видом в кабинет; через полчаса вышли опять в залу, пока Кукольник одевался. Кукольник, во фраке и с портфелем, тотчас уехал, приказав сказать жене, что едет в канцелярию, а немного спустя отправились и эти господа.

Придя на службу, я застал всю канцелярию в смущении, и мне под секретом передали, что Салтыков, по приказанию Военного Министра, арестован по какому-то поли-

М. Е. САЛТЫКОВ ОТПРАВЛЯЕТСЯ
В ССЫЛКУ В СОПРОВОЖДЕНИИ
ФЕЛЬДЪЕГЕРА

Рисунок Оскара Клевера, 1932 г.
Собрание художника, Ленинград

тическому делу «кажется, сегодня ночью». Кукольника я видел мельком, когда он проходил в кабинет Министра и обратно.

К обеду мы его не дождались; вернулся он домой в шесть усталый, озабоченный, на нем лица не было.— На тревожные вопросы жены, что с ним случилось, зачем приезжали утром чиновники канцелярии,—отдельвался нехотя какими-то полуктоответами и только за ужином, когда мы и приехавший вечером чиновник Гушин опять пристали к нему с новыми вопросами и вывели из терпения, он закричал:

— Ах, боже мой, вот надоели! Ну, говорю же вам, что со мной ничего не случилось, случилось несчастье с ним, чиновником — юным Салтыковым. Пока я знаю об этом деле почти столько же, сколько и он,—указывая на Гушина. Пока — скверно... разжигают, чего доброго, в солдаты. Хуже всего то, что князь [Чернышев] тут задет: сам царь ему указал на Салтыкова... Да вы, господа, смотрите, никому ни слова, не то мне повредите, и дело можно окончательно испортить... дело секретное, да и рассказывать еще пока нечего: вот начнется следствие, тогда посмотрим, что бог даст.

На том и покончили на этот раз.

Когда на другой день, после обеда, я, провозжая, по обыкновению, Н. В. в кабинет, где он отдыхал после обеда, рассказал ему, что в канцелярии все говорят, что С[алтыков] будет разжалован и сослан на Кавказ, он с досадой перебил меня: «Ну, да, рады, что есть о чем говорить... да ты бога ради подальше от этих разговоров... Нет, право, лучше не ходи эти дни в канцелярию, я завтра скажу Андреевскому⁵, что ты нездоров; я, серьезно, больше всего боюсь твоей неосторожности. Не сердись,—не тебя я боюсь, а твоей неосторожности... знаешь, одно какое-нибудь неосторожное слово может повредить дяде перед начальством, и тогда все пропало. У меня в канцелярии много врагов и завистников... Вот тот, что вчера утром приезжал сюда с Гушиным, рад бы

меня в ложке воды утопить. Ты думаешь, ему так ужасно жаль Салтыкова? дудки! он — его начальник отделения, и больше за себя боится».

Я просидел два дня таким образом под домашним арестом и когда явился на службу — все бросились ко мне с расспросами: «Где сидит Салтыков; правда ли, что наряжено следствие; что говорит Кукольник?» и т. п. Я, по инструкции Кукольника, на все эти вопросы отвечал: «Ничего не знаю; Кукольник ничего не рассказывает». Была тут и доля правды: я и тогда и до сих пор не знаю, где в первые дни содержался под арестом Салтыков, точно так же, как не знаю, где заседала комиссия и кто были, кроме коменданта крепости Набо[ко]ва, ее члены. Кукольник эти дни был так озабочен, как и в начале, и о деле — ни слова. Видел я его только за обедом; по утрам, часов в 11—12, уезжал, возвращаясь к 4-м; по вечерам тоже уезжал, но не надолго. Возвратившись часов в 10—11, если заставал кого-нибудь у себя, садились за преферанс; только при этом Н. В. не шутил, не смешил своих партнеров, как это бывало обыкновенно.

Но вот, на пятый кажется день, собираясь на службу, слышу — Н. В. в кабинете весело разговаривает с женою. — Вхожу.

— А знаете, — встречает меня жена, — дядя говорит, что Салтыкова не разжалуют в солдаты. Как я рада, как я рада!

— Ну подожди еще, — перебил ее Н. В., — это мы так думаем; что еще скажет князь? Сегодня будет доклад, и все зависит от того, как он его примет. Но дело все-таки приняло благоприятный оборот, спасибо Набокову. Если уязвленное самолюбие князя немного улеглось, то царь не страшен. Царь всегда добр и великодушен. Помнишь, — прибавил он, обращаясь к жене, — семь лет тому назад, как я провинился перед ним, и за меня никто не просил, и Бенкендорф от меня отступился... Я думал — в Сибирь упрячут, а царь простил. А ты что же, — обратился он ко мне, — не идешь на службу? Мне тоже время собираться. Да не забудь уговор»⁶.

К обеду того же дня Кукольник приехал поздно, расстроенный, смущенный... Обед прошел в молчании. Жена и я пошли за ним в кабинет. На вопрос, что слышно о деле: «Да, досталось всем нам сегодня! И слышать не хочет о смягчении наказания. С заключением комиссии не согласен: «Оставьте здесь доклад, говорит, завтра я сам доложу дело его величеству!» Странно, однако, что одну часть заключения комиссии тут же велел привести в исполнение: «Салтыкова из канцелярии уволить и посадить на неделю на гауптвахту». Каков будет конец, господь знает».

На другой день, вернувшись опять позже обыкновенного к обеду: «Да, — сказал Кукольник, — я думал, дело все-таки как-нибудь да обойдется, но ошибся: Салтыков по Высочайшему повелению переводится на службу в Вятку, под надзор губернатора. Но все ж таки не в солдаты», прибавил он как бы в утешение.

Спустя несколько дней, является к нам вечером Гушин и другой чиновник канц. — Снессарев, и прямо к Н. В. с вопросом: «Слышали вы, — говорят, — Салтыкова уже увезли в Вятку?» — «Да, мне говорил сегодня Ник[олай] Никол[аевич]»⁷. — «Как же это так вдруг?» спрашивают те. «Вот, подите, — жандармы поусердствовали. И кто их просил об этом! Ник[олай] Ник[олаевич] хотел еще, по просьбе Салтыкова, испросить ему разрешение на свидание с родными... Вчера пошла об этом бумага к гр. Орлову»⁸.

Спустя два месяца, или немного более (это было уже на даче) Канцеляр. Воен. Мин. спрашивала Кукольника, как, по его мнению, следует сделать отметки в формуляре Салтыкова при отправке этого формуляра к вятскому губернатору? На это Кукольник ответил, что, по его мнению, в IX графе следует отметить, что Салтыков во время службы в Канц. Воен. Мин. в штрафах и под судом не был, а в X графе — способным и достойным; но что об этом лучше спросить кого-нибудь, более чем он сведущего в инспекторской части. Так как дело было на даче и казенного писаря тут не случилось, то справку эту, с черновой Кукольника, переписывал частный писарь под мою диктовку.

Спустя много лет, когда, после смерти Кукольника, мне достались все его бумаги, в числе которых были и его записные книжки, я в одной из них под 1848 годом нашел краткие записи карандашом по делу Салтыкова; записи эти я рассчитывал внести в его дневник, редакцию которого для печати я давно уже занимаюсь, но в виду рассказа г. Скабичевского не лишним считаю поместить их теперь же, в виде дополнения к этой статье, с теми же сокращениями слов, какие находятся в подлинных записях.

[Далее в рукописи Пузыревского приводится дневник Кукольника с теми расхождениями с подлинником, которые отмечены в публикации. Мы воспроизводим текст дневника по подлиннику].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Напротив: в это время чиновником особых поручений при нем был Кукольник, в канцелярии служил известный польский писатель полковник Генерального штаба Штюрмер и редактор «Библиотеки для чтения» Дружинин; а в провиантском ведомстве—А. Н. Струговщиков и поэт Минаев, и кн. Чернышев даже хвалился этим.—И. П.

² До преобразования Канц. Воен. Мин., т. е. до 1865 г., Секретарями назывались Столоначальники.—И. П.

³ Приказ по Канц. Воен. Мин. 26 мая 1848 г., № 17.—И. П.

⁴ Официальная переписка между Воен. Мин., Шеф. жанд., Мин. вн. дел и Вятским губернатором.—И. П.

⁵ Начальник регистратуры.—И. П.

⁶ По наведенной справке это было утром 25 апреля.—И. П.

⁷ Анненков. Директор Канц. Воен. Мин.—И. П.

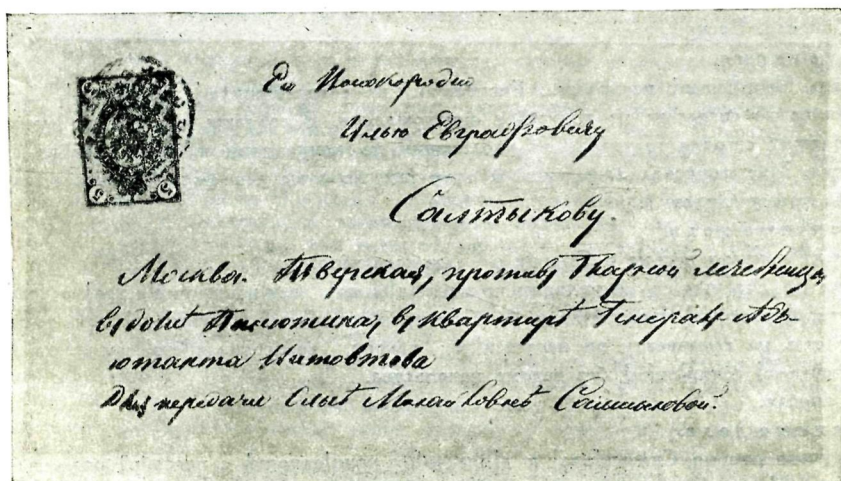
⁸ 29 апреля, за № 1313.—И. П.

ИЗ ДНЕВНИКА Н. В. КУКОЛЬНИКА

Март — апрель 1848 года.

21-го апреля. Среда.

Ночью. Неприятная история. Получ[ил] от Н. Н.¹ экстрен[ную] запис[ку]. Приказано арестов[ать] чинов[ника] Салтык[ова] за какое-то сочин[ение], напечатанное без вед[ома] начальства, в котор[ом] оказалось вредн[ое] направл[ение] и стремлен[ие] к распростран[ению] революцион[ных] идей, потряс[ших] всю Запад[ную] Европу. Это слова государя кн[язю] Черныш[еву]², который ничего подобного не подозревал у себя в канцелярии. Князь треб[ует] к себе з[айти] в 12 часов; но прежде Н. Н. просит побывать у него.

КОНВЕРТ ПИСЬМА М. Е. САЛТЫКОВА К БРАТУ

Институт Русской Литературы, Ленинград

22 апреля. Четв[ерг].

Утром рано приезж[ал] Котомин с Гушиным³ просили выгородить Салт[ыкова]. Н. Н. застал весьма огорченным и сконфуженным. Был у кн[язя], ужасно возмущен, взбешен; говорит, дам я ему проповедывать, в солдаты да на Кавказ упеку. Назначает следств[енную] комис[сию], а меня делопроизв[одителем].

К О. И. Сенковск[ому]⁴ послал за март[овской] кн[ижкой] «Отечеств[енных] запис[ок]»⁵.

По д[елу] Салтыкова.

Получ[ил] от Сенковск[ого] «От[ечественные] записки» с «Запут[анным] дел[ом]», нужно еще [получить № 11 этого журнала] за прошлый год, с «Противоречиями»⁶.

23 апреля. Пятница.

Казен[ные дела.]

«Запутанное дело».

Прочел «З[апутанное] д[ело]»; тоже и «Противоречия» просмотрел; в этой ровно ничего. А в «Запут[анном] деле» заметно некоторое увлечен[ие] коммунистичес[кими] и западн[ыми] революцион[ными] идеями. Но тоже нивесть как страшно. С годами взгляд мож[ет] отрезвиться. Но виден несомнен[ный] талант.

Дело Салтыкова.

Был у Набоков[ова]⁷ в креп[ости] и у всех членов комиссии следственной, кого насколько можно было старался расположить к снисхождению: неопытность, увлечение молодости. Набоков[ов] не прочь. Другие члены смотр[ят] на дело по-военному: «Начальство требует». Тут надо осторожно, не спеша.

24 апреля. Суббота.

Казен[ные дела.]

«Противоречия» пов[есть] Салтыкова. Содерж[ание] долож[ил] комис[сии]. Из «Запут[анного] д[ела]» читал выдержки. Склоняются к снисхождению по молод[ости] лет и увлеч[ению] по неопыт[ности]. Положено: Представить министру об увольн[ении] из канц[елярии] и об ограничен[ии] наказания семидневным арест[ом] на гауптвахте собствен[но] за напечат[ание] сочинения без вед[ома] начальства, в нарушение высоч[айшего] повеления т[акого] т[о] года.

Спасибо добряку Набокову, повернули дело: не за что тут, говорит, губить молод[ого] человека солдатчиной. У Н. Н. тоже золотое сердце: надеется умиловить[ить] князя. Царь не так страшен. Он добр и великодушен; это я испытал на себе, когда имел несчастье оскорбить его в 41 году. Забыл все, и теперь опять милостив ко мне. А моя вина была хуже Салтыковской⁸. Завтра доклад министру.

25 апреля. Воскресенье.

Канцелярия.

Князь Черн[ышев] неумолим... Разгнев[ан] на следств[енную] комис[сию]. С заключением ее не согласен; не допускает снисхождения. В солдаты, однако, не разжалуют, но доложит сегодня государю об увольнении из канцелярии и о высылке на службу в Вятку. Мне приказал заготовить в этом смысле бумагу в форме письма шефу жандармов графу Орлову⁹.

Казен[ные дела.]

Проект приказа письма к Орлову о Салтыкове исполнено.

Еще: от дир[екто]ра канцелярии по приказ[анию] воен[ного] мин[истра] отнош[ение] С.-Петерб[ургскому] Коменд[анту]¹⁰ с препровожд[ением] Салтыков[ова] для поселения на неделю на гауптвахту за нарушен[ие] закона, воспреещающ[его] предавать печати собствен[ные] сочин[ения] без ведома начальства.

27 апреля.

Казенные дела.

Получено письмо Салтыков[ова] к дир[екто]ру канц[елярии] с просьбой разрешить ему на честн[ое] слово отлуч[иться] с гауптвахты для свидания с родственник[ами] и для снаряжения в предстоящий ему путь в Вятку. Приказ[ано] завтра доложить кн[язю] Черн[ышеву] через директора канцелярии.

28 апреля. Среда.

Приказано тотч[ас] заготов[ить] от кн[язя] отнош[ение] гр[афу] Орлову по содержанию вчераш[него] письма Салтык[ова].

Исполнено и отосл[ано] Н. Н. с Волковым.

29 апреля. Четверг.

Ночью. Вот те раз. Гр[аф] Орлов увед[омил] князя от сегодн[яшнего] числа¹¹, что он отнесся к коменданту¹², дабы тот приказал сдать Салт[ыкова] жандармс[кому] шт[абс]-капитану Рашкевичу, которому предписано¹³ сопровожд[ать] Салтыкова до Вятки и представить губернатору¹⁴. Кто же его просил об этом? Мы вчера сообщ[или] ему просьбу Салт[ыкова] о разрешении ему свид[ания] с родст[венниками] и для сборки в дорогу и только.

30 апр[еля]. Пятница.

Салт[ыков] выслан до получения третьегодняшнего отношения князя по поводу просьбы Салт[ыкова] о разр[ешении] ему отлуч[ения] с гаупт[ахты] на честное слово. И к чему была такая поспешность? А там хотели посоветов[ать] Салтыкову обратиться с письмами к Черныш[еву] и госуд[арю] и просить о дозв[олении] ему поселиться при родителях в деревне¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Николай Николаевич Анненков, ген.-адъют., директор канцелярии военного министра с 1842 г.

² Чернышев, Александр Иванович — военный министр с 1832 по 1852 г.

³ Котомин, Алексей Антонович — начальник II отделения канцелярии военного министра. По мнению Кукольника (мнение это передает Пузыревский в статье «За что и как был выслан в Вятку М. Е. Салтыков») приходил просить о Салтыкове потому, что боялся за себя как за непосредственного начальника Михаила Евграфовича.

Гушин — чиновник III отделения канцелярии военного министра, вероятно один из друзей Салтыкова по службе. За время следствия несколько раз приходил к Кукольнику.

⁴ Сенковский, Осип Иванович (1800—1858) — литературный критик, журналист и беллетрист. Писал под псевдонимом барон Брамбеус. Боролся с передовой критикой, в частности с Белинским.

⁵ Повесть Салтыкова «Запутанное дело» была напечатана в мартовской книжке «Отечественных Записок» за 1848 г.

⁶ «Противоречия» — первая повесть Салтыкова. Напечатана в ноябрьской книжке «Отечественных Записок» за 1847 г.

⁷ Набоков, Иван Александрович (1787—1852) — ген.-адъют., комендант Петропавловской крепости.

⁸ Рассказом «Сержант Иванов или все за одно», напечатанным в I сборнике «Сказка за сказкой» в 1841 г., Кукольник не совсем угодил Николаю. «Гofdраматург» разумеется ничего революционного не пытался дать и в этом рассказе. Исправность, покорность, рабская преданность «закону» и т. д. — те качества, которые воспеваются Кукольником, здесь однако оказались принадлежностью людей крепостных. И, наоборот: дворянский недоросль Ландышев показан совершенно неспособным нести царскую службу. 6 января 1842 г. начальник III отделения царской канцелярии писал Кукольнику:

«Исторический рассказ «Сержант Иванов или все за одно» обратил на себя внимание публики желанием вашим выказать дурную сторону русского дворянина и хорошую — его дворового человека. Государь император удивляется, как может человек столь просвещенный и обладающий таким хорошим пером, как вы, милостивый государь, убивать время на занятия, вас недостойные, и на составление статей до такой степени ничтожных... Желание ваше беспрерывно выказывать добродетель податного сословия и пороки высшего класса людей не может иметь хороших последствий, а потому не благоугодно ли вам будет на будущее время воздержаться от печатания статей, противных духу времени и правительства...»

Царь скоро действительно «забыл все», ибо уже через три недели тот же Бенкендорф извещал Кукольника: «в мыслях его величества не осталось против вас ни малейшего гнева»... (см. М. Лемке. «Николаевские жандармы», стр. 133—134).

В этом месте дневника Кукольник имеет в виду по всей вероятности именно этот случай.

⁹ «Бумага в форме письма» от Чернышева Орлову опубликована М. Лемке в журнале «Русская Мысль» 1901, за январь.

¹⁰ С.-петербургским комендантом в то время был ген.-майор барон Зальц.

¹¹ Кукольник неверно указывал дату отношения Орлова Чернышеву за № 776 (этот номер указан Пузыревским). Отношение Орлова к вятскому губернатору Серее

№ 777 датировано 28 апреля (документ хранится в архиве ИРЛИ АН СССР). Отношение № 776 не могло быть более поздним, чем отношение № 777. Отношение № 776 по своему характеру может быть датировано только днем сдачи Рашкевичу Салтыкова для сопровождения в Вятку, т. е. 28 апреля, а не 29-го, как говорит Кукольник.

¹² Зальцу.

¹³ Предписание Орлова штабс-капитану Рашкевичу опубликовано М. Лемке в журнале «Русская Мысль», 1904 г., январь.

¹⁴ Серее.

¹⁵ Расхождение копии Пузыревского с оригиналом заметно. По Пузыревскому кукольниковские записи последних двух дней апреля выглядят так:

«29 апреля. Ночью. Вот те раз. Граф Орлов уведомил князя от сегодняшнего числа за № 776, что он отнесся к коменданту, дабы тот приказал сдать Салтыкова жандармскому штабс-капитану Рашкевичу, которому предписано сопровождать Салтыкова до Вятки и представить губернатору Серее. Кто ж их просил об этом? Мы вчера сообщили ему просьбу Салтыкова о разрешении ему свидания с родными и проч. и только».

30 апреля. Шеф жандармов за № 803 извещает князя Чернышева, что Салтыков выслан в Вятку еще до получения им отношения князя за № 1313 о разрешении ему свидания с родными. И к чему такая поспешность? Писали же им, что он отправлен на гауптвахту на семь дней; ну и пусть бы сидел, а там родные могли бы, пожалуй, посоветовать просить письмом государя о дозволении поселиться у родителей в деревне».

Обращают внимание на себя дополнительные сведения копии — номера отношений. Вероятно Пузыревский мог документально установить их. В архиве ИРЛИ хранится тетрадка Пузыревского с надписью на обложке «справки», где между прочими сведениями имеются и те, которые им внесены в дневник Кукольника. Менее вероятно, что сам Кукольник сообщил эти сведения Пузыревскому. Прочие расхождения объясняются повидимому тем, что запись от 30 апреля Кукольник сделал карандашом и крайне неразборчиво. Пузыревский прибег здесь к свободному пересказу мыслей.